

Информация для цитирования:

Абазов А. Х. Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков : нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности / А. Х. Абазов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 321—338. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338.

Abazov, Kh. A. (2023). Institutions of Local Judicial-Administrative Control in North Caucasus in Late 18th — Early 19th Century: Regulatory and Documentary Support for Activities. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 321-338. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338

**Учреждения локального
судебно-административного
контроля на Северном
Кавказе в последней трети
XVIII — начале XIX веков:
нормативно-правовое и
документальное
обеспечение деятельности**

Абазов Алексей Хасанович
orcid.org/0000-0003-4004-7009
WoS ResearcherID: B-9507-2018
доктор исторических наук,
заместитель генерального директора
по научной работе
alex_abazov@list.ru

Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-10232,
<https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

**Institutions of Local Judicial-
Administrative Control
in North Caucasus
in Late 18th — Early 19th
Century: Regulatory
and Documentary Support
for Activities**

Alexey Kh. Abazov ¹
orcid.org/0000-0003-4004-7009
WoS ResearcherID: B-9507-2018
Doctor of History,
Deputy Director for Research Affairs
alex_abazov@list.ru

Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-10232,
<https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрены особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности приставских управлений, пограничных и родовых судов, родовых расправ на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков. Приведены общие сведения о развитии системы учреждений локального судебно-административного контроля в регионе. Охарактеризованы нормативные акты императора и высших органов власти, определявшие объем полномочий этих учреждений, фиксировавшие их трансформации в условиях административно-территориальных преобразований, содержащие информацию о кадровом составе, назначении на должность новых руководителей и т. п. Исследованы формы документального обеспечения коммуникации приставских управлений и пограничных судов с иными учреждениями власти и должностными лицами, выявлены особенности такого взаимодействия в зависимости от места этих учреждений в административной иерархии. Приведены сведения об их делопроизводственной документации, применявшейся для управления ими собственной деятельностью. Сделан вывод, что документы этих учреждений сохраняют большой эвристический потенциал для исследования основных аспектов истории становления и развития институтов российской государственности в данном регионе, экзогенных и эндогенных факторов трансформации институтов соционормативной культуры, локальных особенностей складывания и развития российской делопроизводственной культуры.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; нормативно-правовой акт; делопроизводственная документация; Моздокский верхний пограничный суд; приставские управления.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of regulatory and documentary support for the activities of bailiff administrations, border and clan courts, and clan administrations in the North Caucasus in the late 18th — early 19th centuries are considered. General information is provided about the development of the system of institutions of local judicial-administrative control in the region. The normative acts of the emperor and higher authorities defining the scope of authority of these institutions, documenting their transformations in the context of administrative-territorial changes, containing information on personnel composition, appointment of new leaders, and other related matters are characterized. The forms of documentary support for communication between bailiff administrations and border courts with other government institutions and officials are studied, and the features of such interaction are identified depending on the place of these institutions in the administrative hierarchy. Information is provided about their document management documentation used to manage their own activities. It is concluded that the documents of these institutions have a significant heuristic potential for studying the main aspects of the history of the formation and development of the institutions of Russian statehood in this region, exogenous and endogenous factors of transformation of institutions of socio-normative culture, local features of the formation and development of Russian document management culture.

Key words:

North Caucasus; regulatory legal act; document management documentation; Mozdok upper border court; bailiff administrations.

Учреждения локального судебного-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков: нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности

© Абазов А. Х., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование особенностей нормативно-правового и документально-го обеспечения деятельности российских учреждений власти на Кавказе в дореволюционный период значимо для более глубокого осмысления инкорпорации проживавших здесь народов в политико-правовое пространство империи. Представители высшей российской власти постоянно предпринимали попытки регламентировать, упорядочить и оптимизировать модели их взаимодействия с региональными этноэлитами, определить объем полномочий должностных лиц и учреждений — основных исполнителей их решений на местах. Это способствовало появлению большого массива различных по видовой принадлежности нормативных актов и делопроизводственных документов. Документированию подлежали сведения практически обо всех сферах жизнедеятельности местного населения. Их научное осмысление на основе современных теоретико-методологических подходов и оценка их информативной отдачи открывают дополнительные возможности для исследования соционормативной культуры народов региона до начала российского влияния, особенностей ее трансформации в рамках российского политико-правового и социально-экономического поля, выявления и характеристики истоков российского самосознания у народов региона и т. п.

Накопление массива нормативно-правовых актов и распространение российской делопроизводственной культуры в разных субрегионах Кавказа в разное время имело свои особенности. В последней трети XVIII — начале XIX веков на Северном Кавказе оно проходило на общегосударственном, региональном и локальном уровнях, в том числе и по итогам деятельности вновь создаваемых *учреждений локального судебного-административного контроля* (далее — УЛСАК: приставские управления, пограничные и родовые суды, родовые расправы). При этом в изучаемый период их взаимодействие с представителями местных этноэлит ослож-

нялось обменом документами на разных языках, издержками их перевода с языка представителей автохтонов на русский и обратно, приспособлением переводов документов к российской политико-правовой риторике того времени и т. п. Акты власти и документы УЛСАК по-прежнему сохраняют большой эвристический потенциал для исследования основных аспектов истории становления и развития российской государственности в данном регионе, трансформации институтов традиционной соционормативной культуры народов региона, локальных особенностей складывания и развития российской делопроизводственной культуры и т. п. Все это дополнительно подчеркивает важность и актуальность осмысления, определения и уточнения эвристического потенциала нормативных и делопроизводственных документов УЛСАК.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выстраивалось с опорой на документы УЛСАК, а также учреждений и должностных лиц, с которыми они взаимодействовали. Материалы извлечены из фондов [РГВИА, УЦГА АС КБР, ЦГА РСО-Алания, ГА СК, ЦГА РД] и из многочисленных сборников архивных документов [АКАК, т. 1, 1866; т. 2, 1868; КРО, т. 2, 1957; Административная практика..., 2012; Административная интеграция..., 2018] и т. п. В ходе исследования были задействованы в основном 2 группы источников: нормативно-правовые и делопроизводственные. К первой относятся указы, приказы, инструкции и другие документы, принятые императором или учреждениями высшей или центральной власти в отношении УЛСАК. Ко второй — документы, обеспечивавшие взаимодействие учреждений власти в регионе и создаваемые УЛСАК для управления собственной деятельностью.

Особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности УЛСАК в регионе в указанный период до сих пор не становились предметом специального научного исследования. Вместе с тем некоторые аспекты применения юридических форм политики России в регионе (акты императоров, высших и центральных органов самодержавия и его представителей на местах) затрагивались в работе А. Н. Маремкулова [Маремкулов, 2005]. Кроме того, исторические условия и обстоятельства становления и развития учреждений российского аппарата государства, особенности интеграции народов региона в состав России, их экономического и социально-политического развития и административно-территориальных преобразований затрагивались в трудах М. И. Афауновой, З. М. Блиевой, П. Г. Буткова, Н. Ф. Грабовского, А. Т. Джумагуловой, А. В. Казакова, Ж. А. Калмыкова, Г. Н. Малаховой, В. Н. Мальцева, И. Р. Нахушевой (Марзей), А. Т. Урушадзе [Афаунова, 2007, с. 99—111; Бутков, 1869, с. 266; Бли-

ева, 2005; Грабовский, 2008, с. 182; Джумагулова, 2014, с. 35—40; Казаков, 2006; Калмыков, 1995; Калмыков, 2007; Малахова, 2001; Мальцев, 2012, с. 89—96; Марзей, 2021; Нахушева, 2020, с. 60—78; Российский Северный Кавказ..., 2012] и в некоторых наших работах.

В целом на основе анализа доступной источниковой базы с опорой на методы исторического исследования и достижения кавказоведов можно ставить и решать такие научные проблемы, как выявление обстоятельств и условия складывания и расширения нормативно-правовой базы УЛСАК, изучение особенностей развития российской делопроизводственной культуры на местах и коммуникации представителей российской власти и региональных этноэлит, исследование специфики фиксации информации о различных сторонах их жизнедеятельности и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие сведения о развитии системы локального судебно-административного контроля

УЛСАК в последней трети XVIII — начале XIX веков представлял собой специализированные звенья российского аппарата государства, создававшиеся на Кавказе на базе линейных военизированных структур (военных крепостей, пунктов кордонных линий, промежуточных редутов) для выстраивания первичного контроля над основными сферами жизнедеятельности проживавшего на порубежных территориях лояльного России населения. Так, в последней трети XVIII века российские власти активизировали деятельность по созданию учреждений такого типа в отношении населения региона при Моздокской крепости (учрежденной в 1763 году) и других пунктов построенной в 1777—1778 годах Азово-Моздокской линии. В это время были учреждены кабардинское приставство — в 1769 году [Бутков, 1869, ч. 3, с. 116]; в 1771 году — приставство ногойского населения Кубанской степи «с неясными надзорными функциями» [Джумагулова, 2014, с. 35] в отношении едисанской, белгородской, едишкульской и джамбулукской орд [АКАК, т. 1, с. 87]; в 1793 году — Моздокский верхний пограничный суд (далее — МВПС) и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, а также 4 приставства в отношении ногойского населения региона: для Калаусо-Саблинских и Бештово-Кумских, Калаусо-Джембойлукских, Ачикулак-Джембойлукских и Едисанских, Едишкульских и Караногайских ногойцев [Джумагулова, 2014, с. 35]. Также в документах встречаются сведения о функционировавшем на рубеже 70—80-х годов XVIII века приставстве Малой Кабарды с присутственным местом в кр. Моздок [Бутков, 1869, ч. 2, с. 59]. К 1798 году относятся сведения о приставстве «трухменских татар» [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1,

ед. хр. 202, л. 7 об.]; к 1799 году — «ногайских татар» [Там же, л. 2 об.], к 1800 году — части осетинского населения [АКАК, т. 1, с. 717]; к началу XIX века — о ногайском и абазинском приставстве [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 202, л. 22]. Так, к началу XIX века в этом регионе была сформирована целая сеть учреждений такого типа, в подведомственность которых была отнесена значительная часть народов Северного Кавказа (кабардинцы, ногайцы, абазины, часть осетин и др.).

Однако некоторые формы коммуникации российских властей с представителями местного населения через посредство офицера-пристава были апробированы еще в первой четверти XVIII века. В частности, в 1722 году Петр I принял решение о назначении приставом гвардии поручика Нефедя Кудрявцева и направлении его в Астрахань для исполнения своих обязанностей [Бутков, 1869, ч. 1, с. 13]. При этом его основными функциями были установление контакта с представителями местного населения и сбор данных об особенностях его жизнедеятельности. Такие же формы взаимодействия были апробированы в отношении представителей части ногайского населения, чьи кочевья в середине XVIII века располагались около Кизляра. В материалах П. Г. Буткова отмечалось, что они «собственных мурз не имеют», а управляются через назначенных к ним российских приставов [Бутков, 1869, ч. 1, с. 180]. Здесь же отмечалось, что такое управление было установлено там под надзором кизлярского коменданта еще до 1763 года, чтобы приставы «сих вольных людей не утесняли, не озлобляли и не разоряли» [Там же]. Именно поэтому в целях «лучшего наблюдения» к ним был назначен приставом один российский штаб-офицер.

УЛСАК на Северном Кавказе во второй половине XVIII века создавались и функционировали на основании схожих принципов: выстраивании контроля над основными сферами жизнедеятельности местных жителей и их вовлечения в российское правовое поле, назначении приставами и председателями пограничного суда представителей российской военной администрации, включении в штат судов делегатов (иногда на выборных началах) от местного населения, определении в качестве надведомственной организации — высшего военного командования в регионе или Государственной коллегии иностранных дел (далее — ГКИД) и др. Во второй половине XVIII века назначение на должность пристава проходило на основании специального разрешения из Коллегии иностранных дел. Например, 21 июля 1769 года генерал-майору де Медему был дан Высочайший указ из ГКИД в отношении части кабардинского населения, принявшего российское подданство, «об определении к ним в приставы майора Таганова» [Бутков, 1869, ч. 3, с. 116].

В конце XVIII — начале XIX веков наметилась тенденция учреждения вышестоящих (промежуточных) инстанций для группы расположенных по

соседству УЛСАК. Так, с 1793 года такую роль по отношению к родовым судам и расправам выполнял МВПС, а с началом XIX века для нескольких частных (локальных) приставств — Главное приставское управление.

Деятельность этих учреждений помимо кадрового, финансового и иного обеспечения должна была выстраиваться и с опорой на нормативно-правовые и документальные акты. Император, высшие и центральные органы российского самодержавия издавали акты нормативного характера, определявшие объем полномочий и подведомственность УЛСАК, их место в административной иерархии, иногда содержавшие сведения о персоналиях и т. п. Кроме того, их деятельность выстраивалась с учетом достижений российской делопроизводственной культуры того времени, в определенной мере приспособленной к локальным особенностям коммуникации между российской властью и представителями региональных этноэлит. Все это дает возможность комплексно исследовать особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности УЛСАК, рассматривая нормативные акты императора и органов высшей и центральной власти с элементами учредительных документов, а также документы по обеспечению коммуникации между ними и управлению ими собственной деятельностью.

3.2. Нормативные акты, регламентировавшие деятельность учреждений локального судебно-административного контроля

Деятельность появляющихся на базе линейных военизированных структур и реорганизуемых в последней трети XVIII — начале XIX века УЛСАК (как временных промежуточных / посреднических учреждений власти на Южной окраине российской империи) основывалась на различных нормативно-правовых актах, изданных императором, высшими коллегиальными органами власти и должностными лицами, в которых определялись их объем полномочий и территориальная подведомственность, приводились сведения о кадровом составе и порядке и источниках финансирования (указы, рескрипты, высочайшие повеления Е. И. В., наставления и инструкции ГКИД) и др. Они содержали обязательные для исполнения «нормы» и сведения о назначении на должности приставов (руководителей приставских управлений), председателей МВПС, закрепляли результаты народных голосований по выборам судей от представителей местного населения, определяли подведомственность и объем полномочий и т. п. Нормативные акты в определенной мере выполняли функции учредительных документов в отношении приставских управлений, пограничного и родовых судов и расправ и принимались при образовании новых УЛСАК, их реорганизации или смене надведомственной инстанции. К их числу относятся указы, рескрипты, Высочайшие повеления, наставления и инструкции ГКИД и т. п. Такие документы применялись в основном при

образовании УЛСАК, изменении их структуры или территориальной подведомственности, назначении нового руководителя и др.

В истории деятельности УЛСАК в регионе в последней трети XVIII — начале XIX веков это были указы приставу при кабардинцах секунд-майору Д. Таганову (1769); инструкции о формах его взаимодействия с подведомственным населением [АКАК, т. 1, с. 84], о его обязанности установить взаимодействие с кабардинцами и проводить среди них соответствующую разъяснительную работу [Там же]; о назначении коллежского советника Макарова Главным приставом (калмыков, кабардинцев, трухменцев, ногойцев и др.) (1800, 1802) и т. п. Также в именных указах органам власти давались указания об определении ему территориальной подведомственности локальных приставских учреждений. Например, 17 октября 1802 года в ГКИД был дан Именной указ о передаче кочующих на Кавказской линии народов из ее подведомственности командующему войсками в регионе князю П. Д. Цицианову [Административная интеграция..., 2018, с. 137]. Все документы такого плана содержали обязательные для исполнения правила деятельности адресатов и определяли объем их полномочий.

Одним из оснований для подготовки и принятия новых актов учредительного характера была смена подведомственности УЛСАК. Например, на основании Высочайше подтвержденной от 19 мая 1800 года инструкции [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 820—821] представители кочевого населения Астраханской губернии, а также кабардинцы, трухменцы, ногойцы, абазинцы и некоторые другие народы были выведены из подчинения начальника Кавказской линии и переданы в подведомственность ГКИД [Бутков, 1869, ч. 3, с. 356]. Нормативный акт, на основании которого были проведены эти преобразования, ознаменовал начало формирования на Кавказе многоуровневой системы приставских управлений, в структуре которых было как минимум 2 взаимосвязанных уровня: Главный пристав и подчинявшиеся ему приставы локального уровня.

До этого в 1800 году Макаров на основании Высочайшего указа ГКИД был назначен приставом группы народов, проживавших в пределах Астраханской губернии и на пограничных с ней территориях (калмыков, кабардинцев, трухменцев и т. д.) [Там же, с. 323]. По данным П. Г. Буткова, в 1802 году Главному приставу этих народов подчинялись 7 приставов локального уровня [Там же, с. 356]. Объем его полномочий определялся соответствующей инструкцией, в которой устанавливалась территориальная подведомственность Главного пристава, делегировалось право самому определить свое присутственное место, отмечалось основное назначение его деятельности, приводился перечень его полномочий (покровительство и обеспечение безопасности в отношении местного населения, осуществ-

вление контроля и санкционирование индивидуальных и массовых миграций жителей, извещение вышестоящего начальства обо всех связанных с его деятельностью угрозах, осуществление подбора кандидатур на должности локальных приставов, контроль за беспрепятственным доступом жителей подведомственной территории к природным ресурсам) и была закреплена подведомственность частных (локальных) приставов тухумцев, «едисанских и жамбуйдукских» ногойцев, а также — ногойцев, кочевавших в районе Пятигорья, абазин, кабардинцев и др. [Административная интеграция..., 2018, с. 129—131]. Для этой группы народов была предпринята попытка образования многоуровневой административной иерархии в целях оптимизации управления, расширения сферы контроля и вовлечения местного населения в деятельность российской власти в регионе.

С течением времени право принимать акты нормативного характера делегировались представителям региональных властей. С начала XIX века командующий войсками на Кавказской линии самостоятельно утверждал в должностях локальных приставов, принимал по этому поводу соответствующие приказы с уточнением объема их полномочий. Инструкции с признаками учредительных документов впоследствии конкретизировались в других инструкциях, направляемых в соответствующие инстанции по подведомственности. Они регламентировали разные направления деятельности УЛСАК: права и обязанности приставов, порядок финансирования их управлений и др. Например, в 1802 году после определения коллежского советника Макарова Главным приставом государственному казначею был дан Именной указ о выделении средств на финансирование деятельности приставского управления [Там же, с. 128]. Документ дает возможность установить структуру Главного приставского управления и определить размеры вознаграждений его работников за выполнение служебных обязанностей. Так, в то время в штат Главного приставского управления входили: секретарь (с окладом в 450 руб. в год, переводчик — 400 руб., писец (делопроизводитель) — 200 руб., 2 толмача — по 100 руб., 6 частных (локальных) приставов — 350 руб. каждый, помощник Главного пристава — 250 руб. [Там же, с. 128]. Суммы предполагалось ассигновать «из доходов Астраханской губернии» [Там же, с. 138]. Так, с течением времени увеличивался и перечень направлений деятельности УЛСАК, которые попадали под регулирование в нормативных актах.

Эта тенденция продолжала усиливаться и в последующем. Так, в Инструкции Макарову (1802) говорилось о его обязанности оповещать Главного военного начальника на Кавказе и ГКИД обо всех опасностях, исходивших от представителей кавказского населения [ПСЗРИ, собр. 1, 1802—1803, т. XXVII, № 20271, с. 146]. Этим определялась их надведом-

ственность и характер внешней коммуникации. В этом же документе были закреплены и основные принципы горизонтальной коммуникации пристава Макарова [Там же]. Тем самым круг полномочий Главного пристава, подлежавших регламентированию, расширялся. Вместе с тем уточнялись права и обязанности локальных приставов.

После учреждения Главных приставских управлений на высшем уровне обсуждались вопросы о неудобствах их подчинения ГКИД, и уже в 1805 году права назначать на должности частных (локальных) приставов и определять их объем полномочий были делегированы Главнокомандующему войсками на Кавказе. Он также был наделен правом издавать нормативные акты, определявшие объем полномочий локальных приставов (приказы и предписания). Например, в 1805 году пристав Кабарды И. П. Дельпоццо был назначен на должность приказом командующего войсками на Кавказе П. Д. Цициановым, а его объем полномочий был определен в специальном предписании командующего от 29 января 1805 года [АКАК, т. 2, с. 958]. В то время это было повседневной практикой Кавказского военного начальства, когда уточнялись и детализировались обязанности локальных начальников.

Кроме того, в эту группу документов можно частично отнести Указы Е. И. В. и высших органов власти, которые напрямую не затрагивали вопросы деятельности УЛСАК, но регламентировали основные аспекты административно-территориальных преобразований: об образовании Кавказской и Астраханской областей (1785) [Административная практика..., 2012, с. 75]; о выделении Кавказской губернии из состава Астраханской (1802) [Там же, с. 118] и др. При этом следует отметить, что заложенная в такого рода документах тенденция по регламентации полномочий локальных начальников в документах по административно-территориальной организации региона сохранялась здесь вплоть до революционных событий 1917 года.

Рескрипты и повеления в отличие от Указов были адресованы конкретным учреждениям или должностным лицам и содержали предписания к конкретным действиям. Так, например, рескрипт Павла I И. В. Гудовичу от 9 марта 1797 года содержал предписание о необходимости ротации в руководстве приставства Кабарды и принципы определения подведомственности УЛСАК вышестоящим инстанциям; рескрипт князю П. Д. Цицианову — от 29 мая 1804 года об отказе в переименовании должности пристава в начальника [АКАК, т. 2, с. 955]; высочайшее повеление И. В. Гудовичу (1792) — о необходимости введения родовых судов и расправ в Кабарде и образовании МВСП с описанием их структуры, предметов ведения, формы контроля за реализацией предписаний начальства [Из документальной истории..., 2000, с. 51] и др.; высочайшее повеление И. В. Гудовичу (1792) о методах создания родовых судов в регионе [Маремкулов, 2005, с. 105]. Как видим, такая фор-

ма взаимодействия с представителями местного населения практиковалась в регионе либо для создания новых УЛСАК, либо для их реорганизации.

Однако другая группа УЛСАК (МВПС с подчиненными ему родовыми судами и расправами) оставалась в подведомственности командующего войсками на Кавказской линии [Бутков, 1869, ч. 3, с. 356]. Их деятельность по-прежнему регламентировалась принятым в 1793 году Указом Е. И. В. «О родовых судах и расправах» и включенным в его структуру «Наставлением МВПС» [УЦГА АС КБР, ф. 1209, оп. 17, ед. хр. 12; ЦГА РД, ф. 379, оп. 3, д. 138, лл. 12—23 об.]. Они в той или иной мере сохраняли стабильность в своей деятельности вплоть до 1822 года, когда началась новая волна в преобразовании структуры УЛСАК в регионе.

В целом акты Е. И. В. и ГКИД представляли собой нормативные акты с элементами учредительных документов по отношению к УЛСАК или содержали перечень обязанностей для других учреждений власти. Причем инструкции и наставления издавались, как правило, при учреждении новых органов ЛСАК, а акты высших и центральных органов власти, как правило, при их реорганизации или смене подведомственности.

3.3. Документальное обеспечение коммуникации учреждений локального судебно-административного контроля

Деятельность УЛСАК обеспечивалась с помощью различных по видовой принадлежности делопроизводственных документов, которые сопровождали их коммуникацию с другими учреждениями власти и сопровождали их собственную деятельность. УЛСАК выстраивали коммуникацию с учреждениями власти и представителями региональных этноэлит с опорой на сложившиеся к тому времени принципы российской делопроизводственной культуры.

Рапорты и донесения направлялись по иерархии от нижестоящих инстанций в вышестоящие вплоть до императора (высочайшие рапорты). Например, в форме Всеподданейших рапортов информация о реализации утвержденных преобразований в системе УЛСАК поступала императору от командующего войсками на Кавказе. В них говорилось об исполнении поручений по организации деятельности этих учреждений, содержались предложения по их оптимизации [АКАК, т. 1, с. 746—748] и т. п. Также в рапортах приставы сообщали вышестоящему начальству о военной ситуации и происшествиях на подведомственной им территории [Бутков, 1869, ч. 3, с. 392] и др. Значительная часть рапортов в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII века поступала от генерала де Медема в адрес командующего Кавказским корпусом П. С. Потемкина. Например, от 8 апреля 1777 года поступил рапорт с сообщением о том, что в 1776 году пристав Таганов и майор Бушуев посетили Кабарду для оповещения местных жителей о ситуации в регионе [АКАК, т. 1,

с. 89], от 6 декабря 1782 года — о недовольстве кабардинского народа своими князьями [КРО, т. 2, с. 352] и т. п. Рапорты руководителей УЛСАК в адрес вышестоящего начальства представляют собой один самых информативных источников, содержащих сведения об основных сферах жизнедеятельности и институтах соционормативной культуры народов Северного Кавказа.

К этой подгруппе относятся и рапорты служащих родовых судов и расправ в МВПС и локальных приставов в Главное приставское управление. Примечательно, что часть этой документации составлена на языках представителей местного населения и зафиксирована с использованием арабоязычной графической основы. При этом на рассмотрение к служащим эти документы попадали уже в форме переводов на русский язык и были оформлены с опорой на нормы российской делопроизводственной культуры. Смысловая нагрузка рапортов оставалась такой же, как и в рассмотренных выше случаях.

Предписания и ордера исходили из вышестоящих инстанций в нисходящие и закрепляли в отношении УЛСАК порядок действий в той или иной сфере. Как правило, эти документы (в большинстве случаев — адресные) были направлены на реализацию и исполнение отдельных положений соответствующих нормативных актов. Например, в ордере П. С. Потемкина от 13 ноября 1781 года приставу Кабарды предписывалось организовать переговоры с представителями кабардинской этноэлиты по целому ряду вопросов [АКАК, т. 2, с. 1111]. Круг таких примеров можно продолжить [Там же, с. 1112—1113], но все они вполне могут быть объектами самостоятельного источниковедческого анализа.

Большой массив документов обеспечивал коммуникацию УЛСАК с учреждениями, не состоявшими с ними в иерархической связи. Такую коммуникацию обеспечивали уведомления, сообщения, предложения, подтверждения об ознакомлении с экстрактами [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 281, ед. хр. 186] и др. Например, в документах МВСП встречаются уведомления Моздокского уездного суда, сообщения Кавказского мушкетерского полка, Кавказской казенной палаты, предложения Кавказского наместнического правления, информация о заслушанных экстрактах [Там же, ед. хр. 281, ед. хр. 186] и т. п. Кроме того, УЛСАК направляли информацию в вышестоящие инстанции и в форме представлений.

Как видим, информация о деятельности УЛСАК документировалась в разных формах в зависимости от места учреждений, с которыми они взаимодействовали в административной иерархии.

3.4. Делопроизводственная документация учреждений локального судебно-административного контроля

Делопроизводственная документация УЛСАК, применявшаяся ими для управления собственной деятельностью, подразделялась несколько

групп. Каждая из этих групп в свою очередь включала соответствующие документы:

— отчетную и учетную документацию (докладные регистры входящей и исходящей корреспонденции, книги для записи тематической информации, журналы (ведомости) по учету корреспонденции (рассыльные и почтовые книги), проездные билеты, регистры прихода и расхода денежных сумм). Эти документы содержат более всего сведений о деятельности судебных учреждений в отношении местных жителей региона. Кроме того, например, в докладных регистрах отражались сведения о нарушенных правах местных жителей, а иногда и о нормах, с помощью которых эти права регулировались [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 391, л. 1—3 об.]. В этой группе особо следует указать и на функцию некоторых УЛСАК выдавать жителям региона билеты на право передвижения за пределы ареала проживания — в основном, на пересечение кордонной линии. Например, приставы Большой (полковник Таганов) и Малой (подполковник Фромгольт) Кабарды в 1780 году были наделены правом выдавать билеты жителям подведомственной территории, которые до этого времени выдавались «за ручательством старшего князя Джанхота Татарханова» [Бутков, 1869, ч. 2, с. 59]. Право приставов выдавать билеты жителям подведомственных территорий было закреплено в обязательстве, данном кабардинцами правительству Екатерины II в 1779 году по итогам вооруженного противостояния кабардинских и российских военных отрядов в 1778—1779 годах [АВПРИ, ф. 115, оп. 2, д. 1, л. 26—30 об.; Административная интеграция..., т. 1, 2018; Глашева, 2021, с. 70—81]. Тем самым вводились элементы учета локальных миграций некоторых представителей местного населения и контроля за ними;

— документы с элементами статистического обобщения (ведомости о количестве и видах рассмотренных споров и конфликтов). В это время элементы статистического обобщения только вводились в практику УЛСАК. Они представляли попытку перевести в цифровой формат те или иные сведения об их деятельности. Например, в это время предпринимались попытки систематизации сведений о количестве правонарушений в регионе, систематизации данных по различным основаниям: количеству решенных и нерешенных дел, их видовой принадлежности (деление на уголовные и гражданские) и т. д. [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 389, л. 1—15 об.];

— документы по управлению кадрами и финансами (списки членов судов и приставских управлений, формулярные списки их служащих, ведомости об оплате их труда, расходные протоколы и т. п.). Здесь большой эвристический потенциал имеют дела, в которых отложились протоколы приходчиков и расходчиков экстраординарных сумм на содержание суда [Там же, д. 383, л. 1—1 об.]. В них фиксировались сведения о размерах оплаты труда

служащих суда, данные о его канцелярских расходах, иногда — сведения о размерах штрафов, поступавших от местных жителей в качестве материальной компенсации за преступления и др. [Там же, л. 4—9 об.];

— процессуальные документы (протоколы заседаний суда и следственных действий (допросы подозреваемых, очные ставки и т. п.), приказы и указы председателя суда, прошения потерпевших, сообщения председателя суда по разным вопросам его деятельности, рапорты служащих председателю, требования, извещения, представления [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 168, л. 1], выборные (голосовые) листы родовых судов и расправ [ЦГА РД, ф. 379, оп. 3, д. 138, л. 12—23 об.]) и др. Здесь следует особо выделить протоколы заседаний суда, в которых фиксировались сведения о решении споров на основании традиционных институтов правосудия местных жителей, а иногда и фиксировались сами нормы регулирования общественных отношений коренных жителей региона [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 078а, л. 1—3 об.].

Следует отметить, что для каждого из указанных видов документов практиковалась определенная форма. В целом документы этой подгруппы отражают базовый повседневный уровень их деятельности и отличаются широким разнообразием как по видовой принадлежности, так и по информативной отдаче для исследования различных аспектов социально-политической и экономической истории народов региона.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, нормативно-правовые и делопроизводственные документы по деятельности УЛСАК в последней трети XVIII — начале XIX веков представляют собой информативные группы источников для исследования основных аспектов этнической, социально-политической и экономической истории народов Северного Кавказа (кабардинцев, осетин, ногайцев, абазин и др.). Нормативные акты с элементами учредительных документов (инструкции, рескрипты, повеления, наставления и т. п.) отражают основные особенности развития системы УЛСАК в этом регионе: расширение их территориальной подведомственности по мере включения в российское правовое поле новых народов, детализация компетенций и полномочий их руководителей и служащих, упорядочение контроля за их деятельностью, в том числе и путем выделения регионального (Главное приставство, МВПС) и локального (частные приставы, родовые суды и расправы) уровней их иерархии.

Распространение российской делопроизводственной культуры на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков выражалось в активном документообороте между УЛСАК и другими институтами российского аппарата государства и представителями региональных этноэлит. Формы документирования коммуникации УЛСАК зависели от характера

иерархических связей коммуникантов: рапорты и представления — от нижестоящих организаций в вышестоящие; предписания и ордера — из вышестоящих в нижестоящие; отношения, уведомления и сообщения — между организациями, не состоявшими в административной зависимости.

Внутренняя делопроизводственная документация УЛСАК дифференцируется по видовой принадлежности в зависимости от специфики групп регулируемых отношений и содержит информацию по учету и анализу криминальных факторов, влиявших на ситуацию на Северном Кавказе, контролю за перемещением местных жителей по территории региона, подходам по обеспечению органов власти кадрами и финансами, фиксации результатов процессуальных действий и судебных разбирательств. Эти документы дают возможность подробно исследовать особенности структуры и кадрового состава приставских и судебных учреждений, углубить представления о сложившихся еще до начала российского влияния институтах соционормативной культуры народов региона и др. Все это позволяет рассматривать нормативно-правовое обеспечение деятельности УЛСАК на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков как элемент развивавшейся российской правовой системы, а документальное сопровождение процессов — как сложившуюся к тому времени делопроизводственную культуру.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи (г. Москва).
2. *Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи* : Сборник документов и материалов. — Нальчик : Принт Центр, 2020. — Т. 1. — 648 с. — ISBN 978-5-907150-05-8.
3. *Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии)* : сборник документов / ФГБУН Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А ; [сост., предисл. с. 15—74, коммент. Е. И. Кобахидзе]. — Владикавказ : СОИГСИ, 2012. — 399 с. — ISBN 978-5-91480-139-4.
4. АКАК — *Акты* Кавказской археографической комиссии. — Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. — Т. 1. — 816 с. ; 1868. — Т. 2. — 1238 с.
5. ГА СК — *Государственный архив* Ставропольского края (г. Ставрополь).
6. ГКИД — *Государственная коллегия* иностранных дел.
7. *Из документальной истории кабардино-русских отношений* : вторая половина XVIII — первая половина XIX в. : Сост. Х. М. Думанов. — Нальчик : Эльбрус, 2000. — 477 с. — ISBN 5-7680-1403-9.
8. КРО — *Кабардино-русские отношения* в XVI—XVIII вв. : документы и материалы. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — Т. 2. — 424 с.

9. МВПС — *Моздокский* верхний пограничный суд.
10. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи.
11. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив (г. Москва).
12. УЛСАК — *Учреждения* локального судебно-административного контроля.
13. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).
14. ЦГА РД — *Центральный* государственный архив Республики Дагестан (г. Махачкала).
15. ЦГА РСО-Алания — *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ).

Литература

1. *Афаунова М. И.* Институт приставства в Кабарде (1769—1822) / М. И. Афаунова // Исторический вестник КБИГИ. — Нальчик : КБИГИ, 2007. — Выпуск VI. — С. 99—111.
2. *Блиева З. М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е гг. XIX в. / З. М. Блиева. — Владикавказ : Ин-т истории и археологии РСО-Алания, 2005. — 397 с. — ISBN 978-5-00081-049-1.
3. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1869. — Ч. 1. — 545 с.
4. *Глашева З. Ж.* Документы к истории Семимесячной войны в Кабарде 1778—1779 гг. / З. Ж. Глашева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2021. — № 1 (99). — С. 70—81. — DOI: 10.35330/1991-6639-2021-1-99-70-81.
5. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Н. Ф. Грабовский. — Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. — 463 с. — ISBN 978-5-88195-936-4.
6. *Джумагулова А. Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. / А. Т. Джумагулова // Современная наука и инновации. — 2014. — № 3 (7). — С. 35—40.
7. *Казаков А. В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI — начало XX в. Биографический справочник / А. В. Казаков. — Нальчик : Эль-Фа, 2006. — 244 с. — ISBN 978-5-7680-2782-7.
8. *Калмыков Ж. А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 232 с. — ISBN 978-5-88195-854-1.
9. *Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII — нач. XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — 123 с. — ISBN 5-7680-0956-6.
10. *Малахова Г. Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX вв. / Г. Н. Малахова. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКАГС, 2001. — 392 с. — ISBN 5-89546-095-X.
11. *Мальцев В. Н.* Институт приставства на Кавказе : создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века — 1860 год) / В. Н. Мальцев, А. Ю. Чирг // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 89—96.
12. *Маремкулов А. Н.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII—XIX вв. : историко-правовой аспект / А. Н. Маремкулов. — Ростов-на-Дону : СКАГС, 2005. — 316 с.

13. *Марзей И. П.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769—1864 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 12.00.01 / И. П. Марзей. — Нальчик, 2021. — 193 с.

14. *Нахушева И. П.* Приставское управление в Кабарде в 1769—1858 гг. : динамика, полномочия, персоналии / И. П. Нахушева // Электронный журнал «Кавказология». — 2020. — № 3. — С. 60—78. — DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-60-78>.

15. *Российский Северный Кавказ : исторический опыт управления и формирования границ региона* / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, А. Т. Урушадзе. — Ростов-на-Дону : Южный научный центр РАН, 2012. — 272 с. — ISBN 978-5-4358-0043-2.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.*

Material resources

ACAC — *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*, 1, 2. (1866, 1868). Tiflis: Printing house of the main administration of the Governor of the Caucasus. 816 p.; 1238 p. (In Russ.).

Administrative integration of the peoples of the North-Western and Central Caucasus into the Russian Empire: A collection of documents and materials, 1. (2020). Nalchik: Print Center. 648 p. ISBN 978-5-907150-05-8. (In Russ.).

Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870 (based on the material of Ossetia): collection of documents. (2012). Vladikavkaz: SOIGSI. 399 p. ISBN 978-5-91480-139-4. (In Russ.).

AVPRI — *Archive of the foreign policy of the Russian Empire (Moscow)*. (In Russ.).

From the documentary history of Kabardino-Russian relations: the second half of the XVIII — first half of the XIX century. (2000). Nalchik: Elbrus. 477 p. ISBN 5-7680-1403-9. (In Russ.).

GA SK — *The State Archive of the Stavropol Territory (Stavropol)*. (In Russ.).

GKID — *State Board of Foreign Affairs*. (In Russ.).

KRO — *Kabardino-Russian relations in the XVI—XVIII centuries: documents and materials*, 2. (1957). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 424 p. (In Russ.).

MVPS — *Mozdok Upper Border Court*. (In Russ.).

PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire*. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive (Moscow)*. (In Russ.).

TSGA RD — *Central State Archive of the Republic of Dagestan (Makhachkala)*. (In Russ.).

TSGA RSO-Alania — *Central State Archive of the Republic of North Ossetia — Alania (Vladikavkaz)*. (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic (Nalchik)*. (In Russ.).

ULSAK — *Institutions of local judicial and administrative control*. (In Russ.).

References

Afaunova, M. I. (2007). Institute of Bailiffs in Kabarda (1769—1822). In: *Historical Bulletin of KBIGI*, VI. Nalchik: KBIGI. 99—111. (In Russ.).

Blieva, Z. M. (2005). *The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the XVIII — 80s of the XIX century*. Vladikavkaz: Institute

- of History and Archeology of the RS-Alania. 397 p. ISBN 978-5-00081-049-1. (In Russ.).
- Butkov, P. G. (1869). *Materials for the New History of the Caucasus, from 1722 to 1803, 1. St.* Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 545 p. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2014). Trends in the administrative and legal development of the Nogais of the North Caucasus as part of the Russian Empire at the end of the XVIII — 60s of the XIX century. *Modern science and innovation*, 3 (7): 35—40. (In Russ.).
- Glasheva, Z. Zh. (2021). Documents to the history of the Seven-Month War in Kabarda 1778—1779. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1 (99): 70—81. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-1-99-70-81. (In Russ.).
- Grabovsky, N. F. (2008). *Kabarda's accession to Russia and its struggle for independence*. Nalchik: Republican Polygraph Combine named after Revolutions of 1905. 463 p. ISBN 978-5-88195-936-4. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (1995). *Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII — early XX century)*. Nalchik: Elbrus. 123 p. ISBN 5-7680-0956-6. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (2007). *Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII — early XX century)*. Nalchik: El-Fa. 232 p. ISBN 978-5-88195-854-1. (In Russ.).
- Kazakov, A. V. (2006). *Adygi (Circassians) in the Russian military service. Voivodes and officers. Mid — XVI — early XX century. Biographical directory*. Nalchik: El-Fa. 244 p. ISBN 978-5-7680-2782-7. (In Russ.).
- Malakhova, G. N. (2001). *Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII—XIX centuries*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House. 392 p. ISBN 5-89546-095-X. (In Russ.).
- Maltsev, V. N., Chirg, A. Y. (2012). Institute of bailiffs in the Caucasus: creation, activity, evolution (the second half of the XVIII century — 1860). *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies*, 2: 89—96. (In Russ.).
- Maremkulov, A. N. (2005). *Legal forms of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XVIII—XIX centuries: historical and legal aspect*. Rostov-on-Don: SKAGGS. 316 p. (In Russ.).
- Marzei, I. R. (2021). *The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769—1864*. PhD Diss. Nalchik. 193 p. (In Russ.).
- Nakhusheva, I. R. (2020). Bailiff's office in Kabarda in 1769—1858: dynamics, powers, personalities. *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 3: 60—78. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-60-78>. (In Russ.).
- The Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of the borders of the region*. (2012). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 978-5-4358-0043-2. (In Russ.).

*The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*